

ТАМ, ГДЕ ТЫ...
БОЛКОНСКАЯ

Болконская Болконская

Там, где ты

<https://litres.ru/74546773>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я всегда знала: мне не нужны люди. Тишина, чай с бергамотом, огонь в камине – этого достаточно. А потом появился он. И всё стало иначе. Дом, тепло, дочь. Жизнь, которой у меня никогда не было.

Но рай оказался хрупким. Я теряю дни. Людей. Себя. И чтобы спастись, мне придётся вспомнить то, что я так старательно забывала.

Это моя история. Я расскажу её до конца.

Содержание

Глава 1	5
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	38

Болконская

Там, где ты

Глава 1

Я возвращалась домой поздно вечером. Думала только об одном: упасть на свою огромную кровать и забыться сном. Подгоняемая этими мыслями, завела мотор, прогрела машину и медленно выехала с парковки. Быстрее бы в свой уютный дом. В тепло. Посидеть с чашкой любимого чая с бергамотом у открытого камина и наконец забыть суету последних часов...

Глава 1

Не могу сказать, что не люблю людей, но находиться несколько часов подряд в обществе очень болтливых заказчиков достаточно сложно. Кожей ощущаю, как они обволакивают меня голосами, историями, проблемами. И как из меня невидимой струйкой вытекает энергия: сначала тяжелеет голова, потом притупляется внимание, а в груди разрастается глухая, звенящая пустота. Наступает эмоциональное истощение. И когда всё вокруг начинает раздражать – слишком громкая кассирша в магазине, чужой смех в очереди, даже собственное дыхание кажется лишним, – мне нужна тишина. Полное одиночество. Комната, где не надо улыбаться, где можно просто сидеть, не думая о том, как выглядишь со стороны.

Именно поэтому я выбрала профессию, где контакт с людьми сведён к минимуму. Да – я интроверт. Да – многие меня совершенно не понимают. И да – мне абсолютно всё равно, что они думают. Пусть думают. Ведь мне с ними не по пути. А вот со всеми остальными рада познакомиться: Анна Викторовна, независимый оценщик, к вашим услугам.

Сегодняшний заказ не должен был отличаться от остальных. Но оказался тем редким случаем, когда обе стороны спора явились на встречу: супруги делили "Тойоту". Он утверждал, что у машины "убитый" двигатель, она – что со-

стояние идеальное. Я сделала замеры компрессии, сфотографировала сколы на бампере, мысленно прикинув, сколько времени займёт оформление отчёта. Уж очень хотелось домой. В любой момент готова была быстренько свернуться и уехать. Однако этой парочке нужна была не правда, им нужен был арбитр. Бывшие супруги ругались, ковыряли старые раны и долго поливали друг друга грязью, выдавая всё больше интересных фактов о совместной жизни. Стараясь не вникать в конфликт, изучала заметки в планшете. Только остаться в стороне всё равно не получилось.

– Представляете, Анна Викторовна, он постоянно мне изменял! – женщина ткнула в бывшего супруга пальцем. Кончик её носа покраснел от холода, а в глазах блестели не столько слёзы, сколько злость, многолетняя, настоявшаяся, с которой она не знала, что делать. – И теперь не хочет отдавать машину. Жлоб!

– Дура ты, Машка. Жил-то я с тобой и уходить от тебя не собирался. И чего тебе не хватало? Возил в отпуск, техникой вся квартира уставлена, любые побрякушки покупал...

– Да закройся уже, – Маша опустилась на скамейку около подъезда, медленно и тяжело, будто груз, который она несла все эти годы, наконец-то придавил её к земле. – Ты хоть раз спросил, чего Я хочу? Интересовался, чем я живу или что меня беспокоит?

– Что тебя могло беспокоить? Ты же ни в чём не нуждалась! – он даже растерялся, услышав её вопрос, искренне,

по-мужски не понимая, что можно ещё хотеть.

– О том и говорю, – она покачала головой. Было заметно, как дрожит её подбородок, как она сдерживается, стиснув зубы, не плачет, чтобы не показать ему этой последней слабости. – Обслуживала, молчала, и слушала твоё враньё изо дня в день. А когда я в тебе нуждалась, ты просто уходил в закат.

– Маша... – снова начал мужчина.

– Я сказала – закройся! Знаешь, Жора, хорошо, что за пять лет мы с тобой детей не родили, – она вздохнула и поднялась, поправила воротник пальто, и я увидела, насколько она устала. Не просто от этого разговора – от всей жизни с ним. – Подавись ты этой машиной! Я просто хотела тебя позлить.

– Значит, я могу быть свободна? – мой голос прозвучал резче, чем планировала: в горле пересохло от холода, а силы держать профессиональное спокойствие заканчивались – второй час на морозе давал о себе знать. Пальцы ног давно онемели, тёплые перчатки совершенно не справлялись со своей задачей, а всё тело сотрясала мелкая дрожь, которую скрыть уже не получалось.

– Я оплачу вызов, – произнёс Георгий, не отрывая взгляда от бывшей супруги. В его голосе тоже была усталость. Было очевидно, что они оба несчастны, только по-разному. – Простите, что потревожили.

Не медля ни секунды, юркнула в свою машину. Пока за-

водила мотор, руки тряслись не столько от холода, сколько от ощущения чужой боли, которая липла ко мне, как снег, тающий на коже. Включила печку на полную мощность, прикрыла глаза и позволила себе просто выдохнуть. Салон постепенно прогревался, но дрожь не проходила — и я ненавидела такие моменты. Не за усталость, не за мороз, а за то, как чужая жизнь проходила сквозь меня, оставляя глухую тянущую пустоту.

Чёрт бы побрал эти пробки. Выехать из города в час-пик — тот ещё квест. А выехать из города накануне длинных выходных, значит добровольно подписаться на долгое созерцание красных фонарей впереди идущего автомобиля, успеть перезнакомиться со всеми соседями по потоку и окончательно убедиться, что время — понятие относительное.

Единственным плюсом в данной ситуации был город, празднично украшенный ещё с начала декабря. Он светился, переливался, брызгал яркими красками в глаза, сглаживая ожидание на каждом светофоре. До Нового года осталось каких-то десять дней...

Согревшись, включила музыку. Тихо, едва слышно, чтобы фоном заглушать гул машин, но не мешать собственным мыслям. Снежинки падали на лобовое стекло, таяли, превращаясь в мелкие капли. Но я не обращала на них внимания, лишь рассеянно скользила взглядом по фарам встречающих машин.

Выехав из мегаполиса, поняла, что городская пробка была только началом трудного пути. За городом началась совсем другая зима – без фонарей, тёмная и глухая. В отличие от столичных дорог, трассу дорожники посыпать ещё не успели. Под колёсами была не просто грязь со снегом – ледяная корка, гладкая и скользкая. Машина вздрагивала всякий раз, стоило чуть сильнее нажать на педаль. Было ощущение, будто еду по замёрзшей реке. Вокруг белое безмолвие, только свет фар вырывает из темноты редкие стволы деревьев. И давно ни одного встречного автомобиля.

Дальше стало хуже: метель усиливалась, с каждой минутой всё больше усложняя передвижение. Снег стал крупнее и валил сплошной стеной. Видимость ухудшалась, а с ней и моё настроение. Тревога, тонкая, как лезвие, скребла где-то под рёбрами, отчего я сжала руль крепче, впиваясь пальцами в холодную кожу.

Я буквально прокрадывалась сквозь снежный тоннель, внимательно приглядываясь, чтобы не пропустить свой поворот. Тридцать километров, на которые обычно уходило двадцать пять минут, растянулись на целую вечность. Вглядывалась в белую мглу, пока наконец не увидела очертания знака деревеньки. Чуть не заплакала. Почти дома... Теперь оставалось аккуратно свернуть на этот самый поворот.

Я уже отметила в темноте знакомый силуэт старой остановки, обгоревшей, чёрной, стоящей словно часовой на въезде, как вдруг моя машина подскочила от резкого уда-

ра. Сначала ничего не поняла, только звук – глухой и тяжёлый, как удар кувалды по металлу. Меня тряхнуло так сильно, что, несмотря на ремень безопасности, ударилась лбом о руль. Некстати сработала профессиональная привычка: мысленно зафиксировала точку входа – капот, левая сторона. В следующее мгновение машина крутанулась на месте, и я с ужасом увидела, как свет фар выхватил из темноты стремительно приближающийся ко мне ствол дерева и замершие, словно в стоп-кадре, снежинки. А после автомобиль перевернуло несколько раз. Мир разлетелся на миллиарды осколков. Вспышки, тени, звон битого стекла, хруст металла, сминающегося как бумага. А потом всё это исчезло – остался только страх. Чистый, животный. Он парализовал тело, заставив забыть о дыхании.

В лицо остервенело ударила подушка безопасности. Резкий запах пороха, хлопок, и мгновенная, ослепляющая боль, прошившая челюсть, шею и грудь. Я оказалась зажата между креслом и рулём. Попыталась сдвинуться, но каждая клетка тела взбунтовалась – огненная волна прокатилась от затылка до поясицы, и я замерла, боясь даже дышать.

Чувствовала, как по ногам поползло что-то горячее. Кровь! Тёплая, липкая, она растекалась по ткани джинсов, и это осознание ударило в голову с новой силой. Я теряю кровь. Это серьёзно. Это совсем не как в кино.

Хотелось кричать. Позвать на помощь. Но был ли в этом смысл? Снаружи выла метель. Ветер врывается в разбитое ок-

но, задувая снег, который ложился на приборную панель белым саваном. Машина превращалась в ледяной склеп. Рассмотреть что-либо возможности не было... Здесь меня не найдут. Я умру? Конечно, умру. Эта мысль пришла не как страх, а как констатация – холодная и ясная, под стать этой ночи.

Попробовала пошевелить правой рукой. Она двигалась. Медленно, преодолевая боль, дотянулась до панели и взяла телефон. Корпус был холодным, и пальцы, дрожащие и скользкие от крови, не слушались. Я ткнула в экран – он не отозвался. Ещё раз. Ничего. Кровь на стекле смазывала изображение, и я не могла попасть по нужной иконке. С третьей попытки экран вспыхнул. Я прижала телефон к уху.

– Скорая помощь. Что у вас случилось? – голос в трубке звучал отстранённо, словно из другого мира, но я вцепилась в него, как в единственный якорь.

– Я попала в аварию, – прошептала я. – Не могу двигаться. Сильно болит голова. И грудь. Когда пытаюсь вздохнуть, внутри что-то острое, как нож.

– Где вы находитесь? – в тоне диспетчера теперь появилась настойчивость, деловая, профессиональная.

– Я... я на трассе... метрах в двухстах от обгоревшей остановки. Я её проехала... сразу за поворотом в деревню, – мой голос срывался. Холод уже пробрался под куртку, губы не слушались, язык казался ватным.

– Вы сильно ранены?

– Не знаю... Да... Видимо, да... Я обездвижена. Ничего не чувствую ниже поясницы, – это осознание оказалось хуже самой боли. Я вообще не чувствовала ног, будто они исчезли, растворились в темноте. – А ещё очень сильно болит голова... Мне хочется спать...

– Не отключайтесь! Помощь в пути, – голос девушки-диспетчера был уверенным, почти спокойным, и я держалась за эту уверенность. – Как вас зовут?

– Анна.

– Анна, я с вами. Говорите со мной.

– Я вижу свет.

– Наверное, кто-то заметил вашу машину. К вам идут? Кого-нибудь видите?

– Не знаю... Вижу тусклое пятно. Нет... Это луч. Он словно дымится, – я щурилась от света, но не могла понять, что это такое. Сознание путалось. Хотелось закрыть глаза. Тьма всё больше притягивала, сулила покой, обещала убрать разрывающую боль.

– Анна, вы здесь? – тревожные, но требовательные нотки снова зазвенели у самого уха.

– Здесь. Я... Простите, – луч ослеплял. Я зажмурилась.

Телефон выскользнул из руки. Почему-то захотелось сказать этому лучу, что я готова. Я не против... Правда, не против... И мне не страшно. Наоборот, я чувствовала облегчение. Перестать бороться, перестать держаться, отпустить. Но ничего сказать так и не успела. Глаза закрывались. Очень хо-

телось спать.

– Жива! Сюда! – крикнул голос, мужской, хриплый, прорвавшийся сквозь шум ветра, и свет дёрнулся, как фонарик в чужой руке. Заметался, приближаясь, выхватывая из мглы осколки стекла и моё бледное лицо в зеркале заднего вида.

Глава 2

Знакомая мелодия вытянула из крепкого сна. Тело казалось чужим – тяжёлым, ватным, будто меня чем-то накачали и бросили на дно глубокой реки. Просыпаться не хотелось. Попыталась выключить будильник, но рука не подчинилась! Я парализована! Сердце пропустило удар, в груди взорвалась паника, острая и липкая, как тот страх в перевёрнутой машине. В ужасе распахнула веки и машинально села в кровати. Дыхание сбилось. Хватая ртом воздух, ощупывала руками простыни и своё тело. Только что я лежала в перевёрнутой машине, звонила в скорую, чувствовала, как по ногам течёт кровь, слышала шум ветра и голос диспетчера. А сейчас знакомые стены, мягкий свет утреннего солнца, пробивающийся сквозь шторы, привычный запах лаванды от постельного белья. Я в своей спальне. Что происходит?!

Медленно обвела взглядом комнату. Да, я дома. На тумбочке у кровати чашка с недопитым чаем. На дне осталась тёмная заварка, а вокруг края – высохшее тёмное кольцо. Любимая рельефная чашечка со снеговиком. На камине фотография родителей. Стоп! Снеговик? Я снова уставилась на чашку и на мгновение подумала, что у меня едет крыша. Вместо пузатого снеговика в шарфе – василёк. Синий, тонкий, изящный, с резными лепестками, такой, каким был всегда. Моя чашка. Тысячу раз её видела. И пила из неё каждое

утро последние три года, знала каждую трещинку на глазури. Хотя мгновение назад, и в этом я готова была поклясться, там был снежный пузатик с носом из морковки. Моргнула, словно пытаюсь смахнуть наваждение, но василёк остался на месте – привычный и абсолютно реальный. Ерунда какая-то.

Сердце постепенно успокоилось, а руку начало неприятно покалывать. Онемение отступало, но кололо так, будто я пролежала на ней всю ночь. Вот дура. Со мной всё в порядке. Несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, возвращая себя в сегодняшний день. Получается, до дома вчера я всё же добралась. Как же хорошо, что тот кошмар на трассе – просто сон. Чертовски реальный. Слишком страшный. Но сон.

Когда окончательно пришла в себя, поняла, что времени на сборы почти не осталось. В десять у меня была назначена встреча в новостройке. Жильцы со второго этажа залили несколько квартир на первом, лестницу и холл до самого выхода на улицу. Как это произошло, оставалось только догадываться.

Надеясь, что сегодняшний день пройдёт более гладко, наспех приняла душ и выпила крепкого кофе. Накинув пальто, выбежала на улицу. Но стоило посмотреть на свою машину, припорошённую снегом, сердце снова бешено заколотилось. Я подошла ближе, удивляясь: ни вмятин, ни разбитых стёкол, ни следов крови. Это ж надо было увидеть такой реалистичный сон. Даже страшно. Странно и то, что он запомнился до мельчайших подробностей: скрип снега под колё-

сами, запах пороха от подушки безопасности, голос диспетчера. Обошла свою ласточку по кругу и убедилась: всё целое. Ни царапины, ни трещины – машина как новая. Ещё не хватало, чтобы я стала бояться садиться за руль. Но когда открыла дверцу, в нос ударил привычный запах кожи и мятного освежителя. Плюхнулась на сиденье и завела мотор. Двигатель заурчал ровно, и это привело меня в чувство. Не колеблясь ни секунды, выехала со двора.

Вопреки всем переживаниям, до столицы добралась быстро. Снегопад прекратился, солнце висело низко, и его лучи скользили по заснеженным полям, превращая их в серебряную гладь. Дорожная служба справилась: трассу уже расчистили, и в городе дороги тоже были в порядке. Улыбнулась в зеркало заднего вида – наваждение рассеялось, и мир снова стал обычным и безопасным. Едва вышла из машины, меня окликнули:

– Анна, добрый день.

Я посмотрела в сторону подъезда. Невысокий мужчина пятидесяти лет, с пышными седыми усами и добрыми глазами, стоял на крыльце и бодро махал мне рукой. Он выглядел так, будто ждал меня с самого утра и совсем не переживал из-за потопа в своей квартире.

– Здравствуйте, Пётр Семёнович. Ну, показывайте масштабы катастрофы, – начала я без вступлений.

– Конечно-конечно. Проходите, – он пропустил меня в подъезд.

Когда вошла, застыла, как и всё передо мной. С потолка свисали длинные, острые сосульки, словно зубы в гигантской пасти, а стены и пол были покрыты тонкой коркой льда. Холодная стеклянная поверхность переливалась под лучами утреннего солнца. Создавалось впечатление, будто я в сказке о Снежной королеве. Заворожённая леденящим великолепием, ступила на лёд и чуть не потеряла равновесие.

– Как это произошло? – схватившись за перила, посмотрела на мужчину.

– Эх, Анна Викторовна... Молодёжь, что тут ещё скажешь, – он медленно направился в сторону своей квартиры.

Я же не могла отвести взгляда от ледяного дворца вокруг меня. Под прозрачной коркой на стенах угадывались почтовые ящики. На полу были приморожены детские санки. В моей практике всякое бывало, но вот такого видеть не доводилось. Я сделала несколько снимков на планшет и, стараясь удержаться на ногах, доскользила до квартиры пострадавшего.

В однушке, в которую Пётр Семёнович переехал всего месяц назад, было не так печально. Льда нигде не было, как, собственно, и обоев на стене у окна единственной комнаты. Здесь воздух был сырым и тяжёлым, с отчётливым запахом мокрой штукатурки. Пол чистый, но ещё влажный. На ламинате темнели разводы: его точно придётся заменить. Как и огромный диван с низкими ножками. Именно коротконогость его и подвела: поролон и обшивка успели набрать воды,

которой, по всей видимости, было по щиколотку. Всё остальное не пострадало. Стул, комод, небольшой журнальный столик и телевизор громоздились на размокшем диване, видимо, ожидая полного высыхания ламината.

– А кухня в таком же состоянии? – внимательно рассматривала повреждения и тут же делала заметки в планшете. Мои пальцы привычно бегали по экрану, фиксируя каждую деталь, чтобы вечером превратить цифры в сухой отчёт. – И почему пахнет дымом? Что-то горело? – я принялась. Запах был едва уловимым, как будто где-то рядом совсем недавно задули свечу. Но он витал в воздухе, настойчивый и тревожный.

– Жильцам потопа хватило. И нет, кухне повезло, она спаслась. Что очень удивительно, – в дверном проёме появился высокий крепкий мужчина. – А вот ванной комнате досталось. Там придётся переделывать и потолок, и стены. Всё посыплется. И, учитывая, что стена ванной выходит на лестничную площадку, рекомендую её утеплить, иначе появится плесень.

– Анна Викторовна, это Михаил Олегович. Он будет заниматься ремонтом, – Пётр Семёнович улыбнулся, представляя нас, и я заметила, что в его глазах мелькнула лукавая искорка.

– Ясно, – я повернулась обратно к окну и продолжила свои записи, но спиной по-прежнему чувствовала взгляд серых глаз. Он был почти невесомым, но я ощущала его физически.

– Так что случилось-то?

– Да вот... Девушка сверху... Утром уехала, а стиралку под давлением оставила. Торопилась, понятное дело. А тут такой мороз, – Пётр Семёнович покачал головой. – В общем, вода пропала. Жильцы, конечно, аварийку вызвали. Когда всё починили, напор дали такой... Кран боязно открыть. Крепление и не выдержало – шланг сорвало. У неё всю квартиру залило. Всем подъездом ходили воду собирать, – он говорил сбивчиво, и в его голосе слышалась не столько досада, сколько отеческая жалость к нерадивой соседке.

– Ничего себе, – я оторвалась от планшета.

– Ага. Как назло, и меня дома не было. А соседи заметили только тогда, когда потекло на лестничную площадку. Пока ей дозвонились. Пока она доехала. В общем, результат вы видите.

– Катастрофа, – подытожила я и в уме уже прикидывала предварительную смету. Сумма будет внушительной.

– Жалко девочку. Одна живёт. У ней дитё маленькое. Крутится, всё сама, – мужчина на мгновение притих, а потом оживился: – Зато гляньте. Если б не этот случай, не вскрылось бы то, что под обоями было.

Пётр Семёнович подошёл к окну и наклонился возле подоконника. Я присела и посмотрела, куда показывал хозяин квартиры. Между подоконником и стеной зияла щель, когда-то заклеенная бумагой. Но вода размочила её, обнажив дыру размером с кулак. Через эту щель действительно про-

смастривалась улица: иней на ветках дерева, и даже часть детской площадки с качелями.

– Как вам такой поворот? – у самого уха послышался мужской баритон. Голос был близко, слишком близко, и я вздрогнула, потому что не слышала, как он подошёл. – Детская площадка видна не только через окно, но и через стену. Чудеса!

– Да уж... – быстро выпрямилась, повернулась и снова оказалась нос к носу с Михаилом. Мы стояли так близко, что я видела едва заметную щетину на подбородке и родинку над левой бровью. – Вы слышали что-нибудь о личных границах?

Я хотела возмутиться, но в его глазах не было нахальства. Он смотрел на меня с искренним любопытством, без тени улыбки, и я не смогла найти в себе привычную резкость. От него шло странное тепло, и это приводило в замешательство. Отступила на шаг, восстанавливая дистанцию, но ощущение его близости осталось, тёплое и необъяснимое.

– Слышал. Просто... Глядя на вас, Анна, есть желание их нарушить. Простите, – он произнёс это с такой прямоотой, что я не нашлась с ответом.

Серые глаза оценивали, и я, к собственному удивлению, стала рассматривать Мишу. В нём было что-то спокойное и надёжное, как в старом доме, в который хочется возвращаться. Светлые волосы коротко подстрижены, широкие брови, прямой крупноватый нос, мягкие губы и морщинки возле них: Михаил явно любил улыбаться. Он был немного выше

меня, крепкий, аккуратно одет. Но вместе с тем чувствовалась какая-то небрежность. Лёгкая, естественная, словно он привык быть в движении и не задумывался о том, как выглядит со стороны.

– И часто вы нарушаете? – я подняла одну бровь.

– Вы о личных границах?

– О них.

– Впервые, – он улыбнулся. Эта улыбка была открытой, почти мальчишеской, и я почувствовала, как напряжение, которое носила с самого утра, начинает таять.

– Понятно, – мне захотелось улыбнуться в ответ, но я сдержанно кивнула, а после шагнула в сторону и направилась осматривать ванную. Нужно было переключиться на работу. Флирт никак не входил в мои планы.

– Здесь всё печально, – Миша направился за мной, однако дистанцию всё же увеличил, за что мысленно подарила ему одну звёздочку.

– Вижу, – мои пальцы порхали по планшету. В ванной действительно было над чем грустить. Стены, как и потолок, были мокрыми. Штукатурка разбухла и осыпалась вместе с краской. – Вы уже закончили осмотр?

– Да, – он по-прежнему не сводил с меня глаз. – Я буду ждать вас внизу.

– Это ещё зачем?

– Выпьем кофе, – он сказал это так просто, будто мы знакомы много лет и у нас есть традиция – пить кофе после ра-

боты.

– Я больше чай люблю, – и зачем-то добавила: – с бергамотом.

– Ну что ж, чай, значит, чай, – его улыбка сбивала мои мысли в кучу. Я заметила, как в уголках его глаз снова появились лучики.

– Михаил, – начала я с намерением отказать. Слова «не могу, слишком занята» уже вертелись на языке, но он опередил.

– Миша.

– Ладно, – капитулировала и всё же улыбнулась: – Тогда я Аня.

– Буду ждать тебя на улице, – он кивнул и вышел из ванной, а я осталась стоять, глядя ему вслед и не понимая, что только что произошло.

– Хороший парень, – Пётр Семёнович смотрел на входную дверь, за которой только что скрылся Миша. – Я был знаком с его отцом. Олег один воспитал сына. Должен сказать, у него отлично получилось. Только вот рано ушёл мой друг. Инфаркт, – мужчина вздохнул, и я увидела в его глазах тень старой боли.

– Сожалею...

– Ага... – он замолчал.

На секунду мне показалось, что Пётр Семёнович смотрит сквозь меня. Машинально обернулась. Но там никого не было. Я поёжилась, чувствуя, как по спине пробежал холод –

вовсе не от температуры в квартире. Но тут же отогнала это ощущение, решив, что просто переутомилась. Тряхнула головой, отбрасывая тревожные мысли, и тотчас поймала себя на другом: зачем он вообще мне это рассказал? Ведь я не спрашивала. Я вообще не из любопытных... Но где бы ни была, всегда найдётся тот, которому очень нужно мне что-то сказать. Может, я действительно выгляжу так, будто готова слушать? Может, моё лицо слишком... дружелюбное? Вдохнула и направилась на второй этаж. Нужно зафиксировать источник затопления и масштаб повреждений квартиры сверху, чтобы в отчёте была полная картина.

Через двадцать минут стояла у подъезда, но Миши нигде не было. Пока размышляла, расстраиваться по этому поводу или нет, медленно подошла к своей машине. Декабрьское солнце ослепляло. Оно висело низко, почти над крышами домов, и его лучи пробивались сквозь голые ветви деревьев, рисуя на снегу длинные тени. Остановившись около автомобиля, закрыла глаза и подняла голову навстречу лучам. Как же здорово. На мгновение я словно отключилась. Осталось только тёплое солнце на моём лице и тишина.

– Хочешь загореть? – знакомый баритон вернул меня на землю.

Распахнула веки и посмотрела на мужчину: после яркого солнца Миша казался синим, словно сошёл со старой фотографии.

– Хотела бы, но для этого нужно к морю, – я улыбнулась.
– Думала, ты ушёл.

– Когда познакомимся поближе, ты поймёшь, что я не способен соврать. Тем более такой красивой девушке, как ты...
Держи.

Опустила взгляд. В его руках была небольшая чашечка с чаем. Сквозь плотный картон чувствовала тепло. Оно расплзалось по ладоням, отогревая озябшие пальцы.

– С бергамотом же, да?

– Точно, – я сделала глоток. Он был идеальным. Слишком идеальным. Таким, какой завариваю себе сама, когда никто не видит. Тот самый чай, который пью по вечерам в одиночестве. Как у него это получилось? Я вновь пристально посмотрела на Мишу и мысленно добавила ещё одну звёздочку. – И где ты его взял?

– Секрет. Только ты не думай, что это всё. Пей чай и поедem обедать.

– А тебе не кажется, что ты... – начала я.

– Тороплюсь? Перегибаю? Наглею?

– Много говоришь, – я расхохоталась. Смех вырвался неожиданно, легко. Я не помнила, когда смеялась так в последний раз.

– Есть такое. Ну так что, идём обедать?

– Идём!

Я шагнула за ним, но почему-то обернулась. Пётр Семёнович стоял у окна и смотрел нам вслед. Не махал, не улы-

бался. Просто смотрел. С теплом и грустью. И не на меня, на Мишу.

Глава 3

Миша привёл меня в любимое кафе на первом этаже жилого дома. Когда увидела знакомую вывеску – старую, с облупившейся краской, – на мгновение замерла. Это было слишком точно и неожиданно. Я бывала здесь часто – кормили вкусно, но главное, здесь всегда было тихо. Никто не подходил с навязчивым "что будете заказывать?", не включали музыку, чтобы заглушить чужие разговоры и не торопили с уходом. Идеальное место для того, кто хочет есть, а не общаться. Здесь я могла быть невидимой.

Михаил выбрал столик у окна, тот, за который обычно садилась я. Тот самый – с видом на улицу и в стороне от остальных посетителей. Меня вновь замурашило от очередного совпадения, а внутри что-то сжалось – не от страха, а от необъяснимого ощущения, что этот мужчина меня знает.

Разместившись напротив друг друга, оба машинально потянулись за меню. Когда наши руки встретились над стопкой карточек, прикосновение тёплых пальцев оказалось неожиданно приятным. Слишком приятным для случайности. Миша улыбнулся, словно ничего не произошло, и, взяв верхнюю карточку, протянул мне. Я несколько раз глубоко вдохнула, но сердце всё равно не желало возвращаться в привычный ритм, а буквы перед глазами никак не складывались в слова. Смотрела на меню, но видела его лицо – серые глаза, мяг-

кую улыбку, родинку над бровью и лучики морщинок. Этот мужчина и манил, и настораживал одновременно. Опустила карту и посмотрела на Михаила в упор, намереваясь спросить, не сталкер ли мой новый друг. Я уже набрала побольше воздуха...

– Ты всегда такая собранная? – опередил он.

– Всегда, – ответила и нахмурилась. Не люблю, когда меня пытаются раскусить. Но он смотрел не с вызовом – с интересом.

– А дома?

– Что – дома?

– Тоже всё контролируешь?

– Дома пью чай, смотрю на огонь и ни с кем не разговариваю, – я нахмурилась. Но происходящее меня не отпускало. Чувствовала, что теряю контроль, и это пугало больше, чем его вопросы.

– Ань, что-то не так? – он протянул руку и на сей раз коснулся моих пальцев намеренно. Его ладонь была сухой, тёплой, и от этого прикосновения по руке снова побежали приятные мурашки.

Я напряглась, ожидая привычной тревоги, но её не было, и я наконец задала вертевшийся на языке вопрос:

– Откуда ты знаешь про это кафе?

– Я здесь живу, – он обезоруживающе улыбнулся. – Прямо в этом доме, на пятом этаже. Это любимое кафе моего отца, – он сказал это так буднично, будто говорил о чём-то само

собой разумеющемся, но я почувствовала за этими словами что-то большее – память, привычку, которую он не хотел отпускать.

– А столик?

– Что столик? – Миша непонимающе уставился на меня.

– Почему выбрал именно этот столик?

– Так остальные заняты.

Я обернулась. Действительно, сегодня в кафе было битком. За каждым столиком сидели люди – одни обедали в одиночестве, другие что-то оживлённо обсуждали, кто-то не отрывал взгляда от телефона. На кухне звенела посуда, пахло свежим хлебом и кофе. Здесь никогда не было столько посетителей. Какой-то чудной день.

– А я и не заметила, – щёки залил горячий румянец. Обычно я внимательна к такому – занятые места означают шум и толпу. Но сегодня, видимо, я не видела ничего, кроме Михаила.

– Признайся, я просто слишком хорош, чтобы ты могла думать о чём-то ещё, – Миша поиграл бровями и улыбнулся. У него была улыбка, которая складывалась из морщинок у рта и у глаз – не заученная, не дежурная, а настоящая. Такая бывает у людей, которые умеют радоваться простым вещам. И я поймала себя на том, что смотрю на эту улыбку.

– Интересно, а самоуверенность лечится? – я покачала головой, стараясь не рассмеяться.

– Сомневаюсь, – он не сводил с меня глаз. – Готова сделать

заказ?

Я кивнула, и Михаил подозвал официанта. Без раздумий выбрала тыквенный суп и чай, а Миша заказал стейк и кофе. Сегодня здесь всё было иначе. Запах хлеба и корицы был сильнее, свет настольных ламп – теплее, и я впервые за долгое время не торопилась уходить.

Пока мы ели, Миша рассказывал про свой объект – старый дом с трещинами в фундаменте и про несговорчивого хозяина. Он говорил увлечённо, жестикулируя, и я видела, как загораются его глаза, когда речь зашла о работе. Он любил своё дело – это было понятно. А я слушала и думала о другом. О сне, который был слишком реальным. О чашке со снеговиком, которого не было. О фотографии родителей на камине. Я не помнила, когда её туда поставила. И о мужчине напротив, который привёл в любимое кафе.

«Странно это всё, – сказала себе. – Надо бы выспаться».

Миша всё говорил-говорил, а я смотрела на его руки – сильные, красивые, с длинными пальцами. Странно: у строителя руки обычно с въевшейся грязью под ногтями, которую не отмыть до конца. С мозолями, трещинками... У него же кожа была чистой, ухоженной, и я невольно задумалась: чем он занимается на самом деле?

– Ты точно строитель? – выпалила я.

– Точно, – он наклонил голову набок. – Но сам редко работаю, если ты об этом. Я ищу клиентов. Договариваюсь, обсуждаю детали, подписываю бумаги. А потом ещё переделы-

ваю их по три раза, потому что заказчики вечно хотят «как в прошлом году, но подешевле». Половина моего дня – это звонки и электронные письма с вопросительными знаками. И знаешь, что самое сложное? Не построить, а получить подпись заказчика на последней странице.

Михаил улыбнулся, и я поняла: он не хвастается, он просто делится тем, что его занимает. Без игры, без претензий.

– Ясно, – я потупилась и продолжила допрос: – Почему ты меня пригласил?

– Ты очень серьёзная, и твои глаза, – синие, необыкновенные – были такими печальными... – его тон подкупал. Обычно я не верю в такие слова – они кажутся заученными, но Миша смотрел на меня так, будто говорил от самого сердца. – Мне хотелось, чтобы ты улыбнулась.

– У тебя почти получилось.

– Почти? – его брови взметнулись. – Это значит, что нужно увидаться снова.

– Не думаю...

– Я много говорю, да? Обещаю, что в следующий раз буду молчать, чтобы ты не переутомлялась.

– Поздно, – ответила и всё же рассмеялась. Его искренность разоружала. Я привыкла к людям, которые чего-то просят, что-то хотят, играют роли, а он просто был рядом. Ничего не требуя. – И скольких девушек ты взял в оборот своей болтовнёй?

– Надеюсь, только тебя.

Хотела съязвить, сказать что-то колкое, вернуть дистанцию между нами, но не смогла. Потому что Миша говорил так просто, без пафоса, без игры. И я поверила. Что совсем не похоже на меня. Я не верю первому встречному, даже если он кажется милым. Но здесь, в этом кафе, с этим мужчиной, я чувствовала себя не как на первом свидании, а как дома.

– Итак, я улыбнулась. Что дальше?

– Дальше – ты рассказываешь, почему стала оценщиком.

– Да что тут рассказывать? Мне нравится, когда всё по полочкам. Цифры, факты, чёткие границы. Оценка – это про правду. Не о том, кто громче кричит, а о том, сколько на самом деле стоит ущерб. В этом мире и так слишком много эмоций. А я могу просто посчитать. Ни слёз, ни драм. Только по делу, – я говорила это так, будто оправдывалась. И сама это чувствовала. Зачем я ему всё это объясняю? Почему мне так важно, чтобы он понял?

– Опять же, никто не мешает и не перебивает?

– Ты понял суть, – я опустила глаза, стараясь не выдать себя.

– А если перебую я?

– Попробуй, – я всё же улыбнулась. Не из вежливости – по-настоящему...

Мы проговорили почти час. О работе, о привычках, о том, почему он стал строителем. Миша оказался удивительно лёгким собеседником – не задавал лишних вопросов, но слушал так, будто каждое моё слово имело значение. Я рассказывала

ему, что люблю огонь в камине, что не выношу шума в офисе и что мой любимый чай – только с бергамотом. А он был внимателен, улыбался, и я чувствовала: ему действительно интересно.

Когда мы вышли из кафе, уже смеркалось. Небо над крышами стало тёмно-синим, почти чёрным, и в нём зажигались первые звёзды. Уличные фонари горели, разливая жёлтый свет по хрустящему снегу. Миша шёл рядом молча, и это молчание не давило. Оно было тёплым, как свет фонарей.

– Садись, я подвезу тебя домой, – сказал Миша, открывая дверцу своего авто. Я заметила его машину только сейчас – серый внедорожник, без единой снежинки на капоте, будто только что с мойки.

– Моя машина здесь. Забыл? – я кивнула в сторону стоянки, где "ласточка" одиноко стояла в опустевшем ряду, припорошённая свежим снегом.

– Тогда просто провожу.

Мы шли медленно. Снег под ногами скрипел, где-то вдалеке лаяла собака. Окна соседних домов переливались новогодними гирляндами. Казалось, весь город замер в этом декабрьском вечере, наблюдая за нами.

Я смотрела на одинокие снежинки. Их было немного, и в искусственном свете улицы каждая казалась серебряной пылинкой, повисшей в воздухе. День и правда сегодня был необычным. И завершался он тоже не так, как всегда. Рядом шёл мужчина, случайный, едва знакомый. Но он запал в ду-

шу с первого взгляда, с первого его слова, с лёгкого дыхания за спиной. Миша был... уютным. Таким, рядом с которым можно молчать и чувствовать себя в безопасности. Готова ли я к такому повороту в своей жизни? Определённо нет. Но хочу ли попробовать? Хочу. И это осознание пугало меня больше, чем любые странности этого дня.

– Анна, – тихо произнёс, когда мы остановились у моей машины.

– Ммм?

– Я хочу тебя увидеть снова, – он смотрел пристально, с надеждой. И в его глазах не было игры. Только искренность, которую невозможно было ни с чем спутать.

– А если я откажусь?

– Тогда я скажу Петру Семёновичу, что в его ванной надо менять не только стены, но и трубы. И мне, уж поверь, обязательно потребуется твоё экспертное заключение, – он улыбнулся. – Да, я солгу. Но я пойду на это ради встречи с тобой.

– Ты не отступишь?

– Даже не сомневайся, – кивнул Миша. – Как насчёт завтра?

Я молчала секунду. В голове пронеслось: «Ты с ума сошла. Ты не знакомишься на улице. Ты не ходишь на свидания. Ты не любишь людей». Но сердце билось по-другому. И я слушала его. Потом достала телефон и протянула ему:

– Вбей свой номер.

Он записал цифры, вернул телефон и, не прощаясь, пошёл в сторону своего автомобиля. Провожала его взглядом: ждала, что Миша повернётся и скажет, что будет ждать звонка. Только он шёл, не оборачиваясь. И от этого почему-то хотелось улыбаться ещё больше. Воздух был морозным и колючим, но внутри меня разливалось тепло, будто я выпила не чай, а глоток лета. Смотрела, как его фигура удаляется, уверенная и спокойная, и впервые за долгое время мне не хотелось, чтобы день заканчивался.

Припарковавшись через час у дома, сама не зная почему, обошла машину и присела, внимательно осматривая бампер. Провела пальцами по металлу – он был ледяным, гладким, без единой царапины. Ни малейшего изъяна. Остатки тревоги после утреннего пробуждения уже давно растаяли, но реалистичность сна не давала покоя. Я помнила каждое ощущение: как подушка безопасности ударила в лицо, как в салон ворвался морозный воздух, как звучал в трубке голос диспетчера. Яркие сны у меня бывали и раньше. Но таких, где я погибаю, никогда. Видимо, поэтому и зацепило.

Дома разулась, повесила пальто и, следуя привычному ритуалу, поставила чайник. Через пятнадцать минут в камине потрескивал огонь. Языки пламени лизали поленья, завораживая своим танцем. Медленно опустилась в кресло и обхватила ладонями горячую кружку. Сладковатый запах дыма смешался с бергамотом... Наконец-то.

Сделав глоток, взяла телефон. Он записал себя просто

«Миша». Отправить ему сообщение? Или не нужно? Может, он вообще ничего не ждёт? Может, это всё было просто... не знаю.

Отложила мобильный, сделала глоток чая, и взгляд задержался на синем васильке. Красивый. С резными лепестками. При чём тут снеговик? Нужно это прекращать. Так и с ума сойти недолго. Закрыла глаза, вспоминая утро, и снова увидела снеговика – пузатого, в шарфе, с морковкой вместо носа. Когда вновь посмотрела на чашку, василёк был на месте. Ну вот, всё в порядке.

Тряхнула головой, будто пыталась избавиться от навязчивых мыслей, а после написала Мише: «Спасибо за чай. И за обед».

Отправила и тут же пожалела. Что он подумает?

Через минуту пришёл ответ: «Ты ещё не спишь?»

Чувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Он тоже не спал. Хотелось верить, что наша встреча и для него была важной.

«Нет».

«И я. Не могу уснуть. Думаю о тебе».

Я не знала, что ответить. Как я могла ответить на такое? «Я тоже» было бы слишком. Слишком честно. Слишком рано. Слишком для одного дня. Внутри был хаос. Так много всего сегодня случилось. Положила телефон на подлокотник кресла и опять уставилась на пламя.

Тени на стене продолжали танцевать. Кроме одной. Она

словно застыла в ожидании, пока я её замечу, а потом заплясала не в такт с остальными. Я смотрела на неё заворожённо – тень от огня, но какая-то неправильная, смещённая, словно она жила своей жизнью. Невесомая, как солнечный зайчик, и довольная, что её увидели, она брызнула яркими искрами и исчезла, растаяла, как мираж. От неожиданности перехватило дыхание. Я моргнула, не веря своим глазам. Но стена по-прежнему была пуста. Только огонь и я. Где-то внутри зашевелилась уснувшая тревога. Но, отмахнувшись от неё, выключила свет и пошла в спальню. Завтра будет новый день.

Глава 4

– Алло, – прижала трубку плечом и присела на пуф, чтобы натянуть зимние ботиночки. – Алло! Говорите громче!

– Пр...т, дочень...! А тепе... меня слы...? – голос прерывался, слова долетали обрывками, но этот голос я узнала бы из миллиона.

– Мама! – руки задрожали, а сердце заколотилось так, словно готово было выпрыгнуть. – Mamочка, это ты?

– Я, милая. Наконец-то дозвонилась. Теперь меня слышно?

– Да-да. Говори. Почему номер незнакомый? – в трубке трещало, и я затаила дыхание, боясь пропустить хоть слово.

– Не важно, родная. Ты как?

– Всё хорошо. На работу собираюсь.

– Я рада... Очень рада, что вс... хорошо, – треск стал усиливаться. – Детка, у меня мало времени, поэтому слушай вним...льно. К тебе скоро приедет папа. Он хочет уговорить тебя переех... к нам, – голос матери дрожал, в нём чувствовалось не просто волнение – что-то похожее на страх, приглушённый расстоянием и помехами.

– Mam, ну мы же это обсуждали. Я не хочу уезжать. Вам и без меня есть о ком беспокоиться. Ленка же ещё с вами живёт.

– Сестра скучает по тебе... И я, – мама вздохнула. – ...

хочу сказать: не слушай отца, не поддавай... на его уговоры. У тебя там жизнь, дом, работа... – её слова пробивались сквозь шум, и я прикусила губу, чтобы не расплакаться в голос.

– Спасибо, мам, – по моим щекам катились слёзы: я тоже по ним скучала.

– Ты поняла меня?! – с надломом спросила мама.

– Поняла. Mamochka, всё будет хорошо. Думаю, папа не будет настаивать. Мы поговорим, он погостит у меня. А когда я пойду в отпуск, непременно к вам приеду.

– Родная, не торопись! Приедешь когда-нибудь... Я люблю тебя.

– И я тебя, – прошептала в трубку. Но там были уже гудки.

Ещё несколько секунд держала телефон возле уха и смотрела в стену невидящим взглядом. В груди саднило, а я мысленно собирала себя по кусочкам. Чёртова связь! Почему же было плохо слышно? И почему папа вдруг сорвался ко мне? Ничего не понимаю. Обычно они предупреждали заранее, за неделю, за две. А тут – звонок с незнакомого номера, обрывки фраз, и мамин голос, тревожный, испуганный...

Встала с пуфа, мельком словила своё отражение в зеркале и шагнула к двери. Почему я такая бледная? Почти переступив порог, вернулась обратно и снова посмотрела на себя. Румянца на щеках, конечно же, не было. Кожа казалась фарфоровой, но это для меня нормально. Да и на фоне тёмных волос лицо всегда бледнее. Однако тени под глазами намекали на то, словно я не спала несколько суток. Так-так-так, в

отпуск, видимо, нужно вырваться раньше, чем планировала. Тряхнула головой, отгоняя тревогу, и вышла за дверь.

Через два часа уже стояла на объекте.

– Дмитрий Саныч, я не буду ставить такую стоимость за квадрат стяжки, – ткнула пальцем в смету и нахмурилась. Он пытался задрать цену, но я не сдавалась. И так целый час. Чувствовала, как начинается мигрень, а цифры на планшете сливаются в одну бесконечную строку.

– Думаешь, испугала меня? А я тогда не буду брать этот объект. Пусть клиент потом плачет, когда полы треснут! – прораб поджал губы.

– Ты серьёзно? – я вздохнула. Нахальное упрямство Димы выводило из себя, не давая нормально работать.

Ну почему всегда попадается именно он? Несговорчивый и очень грубый, Дмитрий всегда старался завесить стоимость работ, хамил, давил и действовал на нервы. Голова трещала, ноги ныли, а ещё и половины дома не осмотрено. Поэтому, как только он вышел на перекур, быстро побежала по комнатам. Скользила взглядом по стенам, отмечая трещины и сколы, торопясь зафиксировать максимум, пока прораб не вернулся и не начал дышать в затылок.

– Привет, Дим. Чего кричишь? – когда раздался голос Миши, замерла на мгновение и прислушалась.

– Здорово! – Дмитрий смачно сплюнул и снова затянулся. – Да вот достала меня эта оценщица. Вечно ставит пал-

ки в колёса. Мне, по её мнению, что, зарабатывать не надо? Каждый раз недовольна, а сама ни разу в руках инструмент не держала. Трясётся над каждой копеечкой, будто из своего кармана платить собирается.

– Да ладно тебе, Саныч. Сам же знаешь, что перегибаешь...

– Слушай, хоть ты не доставай. Я же не лезу в твою работу. Вон, смотри, – перешёл он на шёпот и указал рукой, в которой держал сигарету: – стоит фифа. Все бабы как бабы – борщи варят и детей рожают. А эта, видимо, недотрах...

Почувствовала, как кровь прилила к лицу – не от стыда, от злости. Слова хлестнули по самолюбию, но я сдержалась, чтобы не выбежать и не устроить сцену.

За спиной раздался шум. Резко повернула голову и опять промолчала, только уже от удивления. Одним ударом Миша уложил Диму на пол и навис над ним:

– В следующий раз думай, что говоришь...

– Ты у меня за это ответишь, – зло прошипел хам, держась за разбитый нос.

– Наплевать. Только ещё раз подойди к ней – и разбитым носом дело не закончится, – Миша выпрямился и улыбнулся. Но улыбка была недоброй. Видела, как его глаза потемнели, стали жёсткими, почти чужими – так меняется человек, когда в нём просыпается что-то хищное. – Вставай и проваливай! А насчёт объекта, – он повернулся ко мне и подмигнул, – теперь он мой.

Миша подошёл ближе:

– Привет, Анют, – он старался говорить, словно ничего не случилось, но было видно, как он сжимает и разжимает кулак. Тот самый, которым только что ударил Диму.

– Привет. А ты, оказывается, драчун, – я склонила голову набок. – Спасибо, что заступился.

– Жаль, что ты его слышала, – в его голосе прозвучала искренняя досада – он хотел оградить меня от этой грязи, но не успел.

– Да ладно. Это уже не первый раз. Обычно я сама ставлю таких на место. Просто сегодня ты меня опередил, – я усмехнулась. – И это было приятно. Честно.

– Он не только позорит нашу профессию. Он и как мужик полное гов...

– Стоп, – оборвала его. – Не надо, Миш.

– Не буду, – он подмигнул. – Долго тебе ещё?

– Минут двадцать, примерно.

– Хорошо. Подождёшь меня немного?

– А нужно?

– Нужно, – он кивнул. – За мою храбрость ты, как минимум, должна со мной пообедать.

– А максимум?

– Выйти за меня замуж, только и всего, – он лучезарно улыбнулся и ушёл.

Проводила его взглядом, чувствуя, как в груди разрастается что-то тёплое и лёгкое, такое, чему пока не решалась

дать имя. Продолжала стоять в сторонке, но так, чтобы видеть Мишу. Он двигался уверенно, легко общался с заказчиком, и я поймала себя на том, что разглядываю его, как картину, в которой хочется найти скрытый смысл.

За прошедшую неделю мы виделись дважды. Один раз в кафе, за завтраком, и в кино, на дневном сеансе. Правда, фильм мы тогда так и не посмотрели. Сказав, что мне надо подышать, увела его из зала и потянула гулять по городу. Он не обиделся. Просто взял меня за руку и пошёл рядом. Мы бродили по заснеженным улочкам, разговаривали о книгах, о детстве, и я чувствовала себя незнакомой самой себе – той, которая способна на лёгкие, ни к чему не обязывающие прогулки.

За такой короткий срок этот мужчина странным образом стал мне настоящим другом... Наверное. Рядом с ним было спокойно, а когда от него приходили сообщения, ловила себя на том, что улыбаюсь. Всё это было... непривычно. Ведь я не схожусь с людьми за несколько встреч и не улыбаюсь просто так. Вообще.

Сейчас Миша стоял вполоборота и что-то обсуждал с заказчиком. В правой руке он держал бумаги, то и дело заглядывая в них и кивая в ответ собеседнику. И тут мой взгляд зацепился за руку с документами! Она была цела! А ведь я точно видела, что костяшки после удара были красные. Моргнула, пытаюсь убедиться, что не ошиблась – но на его пальцах по-прежнему не было ни ссадин, ни припухлости. Я

вздохнула и сделала шаг навстречу, чтобы посмотреть внимательнее, но Миша повернулся и вышел в другую комнату.

Через несколько минут, когда он вернулся ко мне, схватила его за руку. Сейчас отчётливо виднелся багровый кровоподтёк. Провела по нему пальцами, и Миша чуть заметно поморщился.

– Не переживай, заживёт как на собаке, – он перехватил моё запястье и потянул за собой. – Пойдём. Ты же на машине сегодня?

– Как всегда, – опустила взгляд на наши руки: проступающий синяк был на месте. – Почему спрашиваешь?

– Моя в ремонте, я сегодня своим ходом. И раз ты здесь, могу ли надеяться, что ты меня подбросишь?

– Ой, ну не знаю, – задумалась и поджала губы. Мне нравилось, как его пальцы переплетались с моими, и я не хотела их отпускать.

– Ань? – он остановил меня и встал напротив, заглядывая в глаза.

Миша нежно гладил мою ладонь. Каждое его движение было медленным, почти невесомым, будто он боялся меня спугнуть. Потом поднёс мою руку к самому лицу и поцеловал у основания запястья, где бьётся пульс. Губы были тёплыми, и этот поцелуй отозвался где-то глубоко внутри, в самом сердце, которое я считала давно замёрзшим.

– Если ты оставишь меня здесь одного, я умру. Пока мы рядом, я чувствую, что живу.

На мгновение опешила: так правдиво звучали его слова. А после увидела, как губы Миши медленно растягиваются в улыбке:

– Понимаю, с замужеством перебор, но неужели ты сможешь бросить человека, который так искренне защищал тебя в бою?

– Ну ты и балбес, – я улыбнулась. – Держи ключи и садись за руль.

– Ты не пожалеешь о своём решении, – ухмыльнулся он, открыл мне пассажирскую дверцу, и через несколько секунд мы уже выезжали с парковки.

– Что-то я мёрзну последнее время. Особенно левая рука немеет, – я стала растирать кисть. Кожа была ледяной, и согреть её не получалось – пальцы словно налились свинцом, перестали слушаться.

– Потому что в левой постоянно держишь планшет. Рука напрягается. Нужно разминку делать, как в школе, помнишь? – он подмигнул.

– Может, ты и прав.

– Я всегда прав, – он взял мои ледяные пальцы в свои. Его ладонь была сухой и горячей, от неё тепло разливалось по запястью и поднималось выше, к плечу.

– Миш, твоя рука, – я в ужасе смотрела, как его безымянный палец синеет на глазах. Кожа вокруг ногтя стала лиловой, почти чёрной, как после сильного ушиба.

– Знаю, – он вздохнул и припарковался. – Посидишь в ма-

шине или со мной пойдёшь?

– Куда? – оторвала взгляд от синяка и увидела, что мы приехали в больницу. – Конечно, с тобой.

– Не волнуйся. Сделают снимок. Думаю, ничего страшного, – он вышел из машины.

– Миш, ну почему не сказал, что сильно болит? А я тебя ещё и за руль усадила? – выскочила следом, чувствуя, как внутри разрастается тревога – та самая, которую не могла объяснить.

– Всё в порядке. Идём. Может, заодно и твою руку посмотрят.

Мы вошли в приёмный покой и остановились. Вокруг не было ни души. Тишина давила. В коридоре горел тусклый свет. Звук наших шагов метался от стены к стене, всё больше усиливаясь, будто в пустом зале. Машинально вцепилась в посиневшую кисть Миши, и он ойкнул.

– Прости, – я разжала пальцы. – Почему здесь никого нет?

– Не знаю, – он ободряюще улыбнулся. – Сейчас выясню. Ты присядь. Пойду врача поищу.

– Не хочу сидеть одна, – мне стало не по себе. Пустой коридор пугал меня больше, чем его раненая рука.

– Анют, я быстро.

Он словно испарился, а я сидела в гнетущей тишине. Даже шагов Миши не было слышно. Сердце бешено колотилось. В горле пересохло. Моя левая рука внезапно повисла плетью. Боже, неужели у меня инсульт! Кое-как достала из сумочки

небольшое зеркальце и, вглядываясь в своё отражение, высунула язык. Всё хорошо. Улыбнулась – оба уголка рта симметрично растянулись. Да что это такое? Опустила зеркальце и увидела, что мои пальцы дрожат – мелко, нервно, как в лихорадке.

– Анна, – слышалось из-за двери.

Вышла в коридор и замерла. Никого. Чертовщина какая-то.

– Анют, – от голоса Миши подскочила на месте и прижала руки к груди. – Прости, что напугал, – он взволнованно обнял меня, а после немного отстранился. – Как рука?

И тут я поняла, что с ней уже всё в порядке. Она была тёплой, розовой, и я снова её полностью контролировала. Сжала и разжала кулак несколько раз, не веря своим ощущениям – будто кто-то включил её обратно.

– Всё хорошо... уже, – с недоумением покрутила ладонью и посмотрела на Михаила. – Только знаешь, это очень странно. Ещё несколько минут назад я её не чувствовала, а сейчас всё отлично.

– Ну-ка покажите мне ваше «отлично», – из-за спины Миши выглянул Пётр Семёнович.

– Вы врач? – оторопело посмотрела в добрые глаза своего заказчика и глубоко вдохнула: снова пахло дымом.

– Врач-врач, – улыбнулся он в серебряные усы и взял мою кисть. – Много работаете, Аннушка. Эта рука, я ещё в прошлый раз заметил, постоянно согнута. Делайте перерывы и

небольшую зарядку на несколько минут. Давайте ручке отдохнуть.

– Я ей то же самое сказал, – Миша улыбнулся.

– Постараюсь, Пётр Семёнович, – я кивнула.

– Буду надеяться. А ты больше не дерись, не подросток же, – он серьёзно посмотрел на моего спутника. – Хорошо, отделался только сильным ушибом. Повязку не снимай. Через несколько дней загляни ко мне на осмотр.

– Слушаюсь! – пообещал Миша, и мы вышли из больницы. – Ты как?

– Не знаю, – сказала честно. – Такое ощущение, будто несколько часов подряд занималась физическим трудом. Голове тяжело.

– А пойдём ко мне чай пить?

– Миш, – попыталась возразить я.

– Послушай, отпустить тебя домой в таком состоянии не могу. И отвезти не могу, рука обездвижена, – видя мою нерешительность, он добавил: – У меня две комнаты. Места хватит. Но, если тебе через несколько часов станет лучше, ты уедешь. Договорились?

– Договорились, – выдохнула я. – Ты кого угодно уболтаешь.

– Анют, мне не нужен кто угодно...

Моё дыхание сбилось. Миша смотрел на меня открыто, без тени улыбки. И я верила каждому его слову.